

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ЯСУТАКА
ЦУЦУИ

ПРЕИСПОДНЯЯ

Москва
2016

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Ц90

Yasutaka Tsutsui

HELL

Heru by Yasutaka Tsutsui First published
in 2003 in Japan by Bungei Shunju, Ltd.

Russian translation rights arranged with
Yasutaka Tsutsui through Japan Foreign-Rights Centre
and Andrew Nurnberg Associates International Ltd

Перевод с японского *С. Логачева*

Художественное оформление *А. Старикова*

Цуцуи, Ясутака.

Ц90 Преисподняя / Ясутака Цуцуи; [пер. с яп.
С. Логачева]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 224 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-85116-4

Ясутака Цуцуи называют японским Филипом Диком и духовным отцом Харуки Мураками. Российскому читателю он известен прежде всего своим романом «Паприка», по которому снято популярное аниме. Роман «Преисподняя», впервые изданный на русском языке, поражает и авторским замыслом, и формой его воплощения.

Герой, пятидесятилетний Такэси, попав в автокатастрофу, оказывается в преисподней, где встречает своих знакомых, погибших при самых разных обстоятельствах. Здесь время проходит совсем не так, как на земле, и люди знают не только прошлое, но и будущее. Загробный мир у Цуцуи — совсем не такой, как его традиционно представляют: в чем-то страшнее, а в чем-то, как ни странно, забавнее.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Логачев С., перевод на русский язык,
2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85116-4

Давно перевалило за полдень. Нобутэру играл с приятелями на школьном дворе. Местом для игры они выбрали сцену, с которой во время разных мероприятий выступали учителя. Все трое мальчишек были одеты бедно. В то время одежда продавалась только по талонам. Они любили покуролесить, поэтому вид их одеяние имело жалкий — все в пыли и грязи. Летний вечер, на улице светло допоздна, одежда за долгий день пропиталась потом, так что пахло от ребят, должно быть, соответствующе, но кого в четвертом классе заботит чистота?

Троица играла в царя горы. Сцена возвышалась над землей метра на полтора. Недолго и покалечиться, если свалишься. Но мальчишкам это в голову не приходило. В таком возрасте все почему-то убеждены: если что и случится, то не со мной. Они уже не первый

раз здесь играли. Ну, падали, конечно, и что такого? Подумаешь, пара ссадин и синяков.

Юдзо, самый буйный и крупный из троицы, заливался смехом, демонстрируя приятелям дырку на месте переднего зуба. Он решительно провел кулаком под носом, размазывая густые сопли, и замахнулся, собираясь заехать Нобутэру по физиономии. Нобутэру в испуге вскрикнул и отскочил назад, врезавшись в стоявшего у него за спиной Такэси.

Тот неловко свалился со сцены, растянувшись на земле лицом кверху и заголосил во все горло: «Нога! Нога!» По его крикам Нобутэру мог бы догадаться, что дело плохо, но до него это дошло позже вместе с раскаянием, когда он раз за разом прокручивал в голове случившееся. Сконфуженно ухмыляясь, Юдзо и Нобутэру схватили Такэси за нелепо согнутую левую лодыжку и стали тянуть, распевая «Не плачь, маленькая птичка!»¹.

---

¹ Популярная в Японии во второй половине 40-х годов песня, впервые исполненная в 1947 году известным мастером популярного песенного жанра Харуо Ока (1916—1970).

Они очень хотели рассмешить приятеля, чтобы тот перестал плакать. Не получилось. Нога у Такэси была сломана. Он орал все громче и пронзительнее, на крики выбежали учителя. Такэси быстро положили на носилки и отвезли в больницу на грузовичке, привозившем в школу обеда. Ногу ему до конца так и не вылечили, и, выпившись из больницы, Такэси вернулся в школу на костылях, на которых проходил всю жизнь. После этого Нобутэру долго не мог заставить себя заговорить с ним, даже взглянуть ему в лицо, выражение которого после этого случая стало еще более робким и застенчивым.

И странное дело. «Не плачь, маленькая птичка!» появилась и сразу стала популярной после войны. То есть во время войны Нобутэру о ней знать не мог. Выходит, он уже позже добавил эту деталь? Что же тогда они пели? Никакой другой песни Нобутэру вспомнить не мог.

После того как Нобутэру перешел в пятый класс, как раз накануне окончания учебного года, его семья переехала к родне в город

Сасаяма в префектуре Хёго. Он слышал, что вслед за ними эвакуировали всех учеников, у кого не было родственников в сельской местности. Что стало с Юдзо и Такэси, Нобутэру не знал. Когда война кончилась, семья вернулась в город. Их дом в центре уцелел, зато от бомбежек сгорели почти все дома, где жили его друзья. Такэси и Юдзо в школу так и не вернулись.

«Ты слышал: Мотояма-то в якудза подался?»

Нобутэру услышал эту новость, когда поступил в колледж. Узнал от бывшего одноклассника. Вообще-то ничего удивительного в том, что Юдзо с его плохими отметками и буйными замашками подался в бандиты, не было. Однако Нобутэру все равно с теплотой вспоминал Юдзо (случай с Такэси, разумеется, не в счет), который, непонятно почему, водил дружбу только с ним. В душе Нобутэру, этот вечно грязный, без переднего зуба, паренек, так и остался лучшим другом детства.

Нобутэру уже стукнуло семьдесят. В жизни он натворил много дурного и глупого и в этом смысле, пожалуй, недалеко ушел

от Юдзо. Было время, когда он занимался делами, имевшими отношение к миру, где вращался Юдзо, и подумывал, что когда-нибудь снова сойдется со старым приятелем. Но на встрече одноклассников, когда он уже разменял полтинник, ему сказали, что Юдзо убили в бандитской разборке, когда ему еще не исполнилось тридцати. Нобутэру испытал странное чувство: оказывается, все это время он вспоминал человека, который уже давно в могиле. Как получилось, что Юдзо умер, а он, Нобутэру, жив-живехонек? Сам Нобутэру не раз стоял на самом краю, когда до смерти оставалось совсем чуть-чуть, хотя с ним все происходило не так, как с Юдзо. Последний раз — в семьдесят лет. Со стариками нередко такое случается.

На Новый год он сидел дома один и решил добавить в кастрюльку, в которой осталось немного супа от новогоднего ужина, моти¹. Этими самыми моти он и по-

---

¹ Лепешки, приготовленные из толченого риса, часть традиционной новогодней трапезы. Ежегодно на Новый год в Японии погибает несколько человек, подавившихся моти, в основном стариков и детей.

давился. Нобутэру хорошо помнил время, когда еды не хватало и постоянно хотелось есть. В детстве ему так и не довелось отведавать моти, поэтому старик их обожал. Он хлебал суп и вдруг почувствовал, что не может дышать. Сунул в рот палец, чтобы вытащить моти, но, наслаждаясь едой, набил рот, точно обезьяна, так что только протолкнул лепешку еще глубже. Нобутэру не мог даже кашлянуть, в корчах повалился на пол, сознание померкло. «Неужели смерть? — мелькнуло в голове, а потом: — Это же я сейчас умру». Так умереть... Курам на смех! Из последних сил он выдернул изо рта вставную челюсть. Прилипшая к зубному протезу моти вытянула за собой застрявшую в горле часть лепешки. Он был на волосок от смерти.

Сколько раз ему удавалось чудом избежать смерти? И сколько еще раз предстоит с ней встретиться, прежде чем она наконец настигнет его? «Хватит с меня», — думал Нобутэру. Будь он помоложе, то, наверное, торжествовал бы, что избежал смерти, но сейчас он почти ничего не чувствовал.

Нобутэру забыл, что в молодости любил щегольнуть крепким словом. Теперь же его выводил из себя любой пустяк, например, как разговаривает молодежь. Он прямо-таки закипал, услышав «мне по барабану». Или: «Слышь, у тебя труба есть?» Что это значит? Хотя в детстве их разговор с Юдзо постоянно перемежался словечками вроде «сучок» или «чика», а в колледже девчонок он называл не иначе как «клевыми чувихами».

Юдзо погиб, вторгнувшись с двумя молодыми дружками на территорию, которую держала другая банда. Ему и в голову не приходило, что его смелость, которую можно считать иллюзией, граничит со смертью. Не знал об этом и Датэ, шагавший следом за ним. Датэ было девятнадцать, и он боготворил своего босса. Стояла осень. Восемь часов вечера. Датэ шел, втянув голову в плечи, подражая походке Юдзо. Вместе с Хаттори, другим подчиненным босса, они следовали по боковой улочке торгового квартала Мисуги — средоточия баров, ресторанчиков и прочих заведений

с сомнительной репутацией. Здесь заправляли люди из клана Икаруга-гуми, поэтому чужакам — появись они там и будь замечены — это никак не могло сойти с рук. Однако Датэ еще не был знаком страх смерти, Юдзо в его глазах был абсолютно неуязвим. Что может случиться, когда такой человек рядом? Обернувшись к Датэ, Юдзо ухмыльнулся:

— Ну что, Хорек? На мое место небось метишь?

Такая у Датэ была кличка — Хорек.

— Кто? Я? Да куда нам с грыжей. — Датэ был шутник.

Хаттори опасливо улыбнулся. Их «тройственному союзу» пришел конец в тот момент, когда Юдзо пырнули ножом в живот. Четверка «икаругавцев» взяла Юдзо в кольцо и после короткой перепалки бросилась на него. Юдзо погиб не в разборке, как сказал одноклассник Нобутэру. Те, кто его зарезал, не знали, что он из клана Сакаки-гуми.

Юдзо опустился на землю, будто кланясь своим врагам, и весь его авторитет в глазах Датэ рассыпался в прах. Как он

мог так просто умереть?! Датэ и Хаттори немного отстали от Юдзо и остановились, когда началась заваруха. «Икаругавцы» еще не заметили, что эти двое тоже заодно. И тут Хаттори, ни слова не говоря, рванул с места и бросился бежать, тем самым привлекая к себе внимание нападавших. Датэ последовал его примеру и, расталкивая прохожих, метнулся в темный проулок. У него под ногами будто разверзлась пропасть, хотя по всему он должен стоять на балконе небоскреба. Вот какое это было чувство. На главной улице Хаттори нырнул направо, Датэ кинулся влево. Он благодарил себя за то, что не поддался охватившему его страху. Бежал, благодаря судьбу. Но услышав позади топот преследователей, почувствовал, как у него подгибаются колени. «Они меня убьют. Мне конец», — повторял он, стараясь не сбавлять темпа. Датэ свернул в боковую улочку, споткнулся о валявшееся на асфальте пластмассовое ведро, налетел на кого-то. Ему казалось, что он уже умер. Желудок, не замечая, что сознание уже переключилось на смерть, раздулся, словно накачанный

воздухом, и казалось, того и гляди закупорит горло. Живот скрутила резкая боль. Он бежал, шатаясь от усталости и испуга, пока не очутился в узком переулке, служившим черным ходом хозяевам лавок и кафешек. Его охватил страх — если в таком месте его зажмут с двух сторон, бежать некуда. Задышавшись и громко хрипя, он нырнул в следующий проулок. Впереди маячил страшный темный силуэт. Кто это? Один из них? Кинулся обратно. Проулки-закоулки... Где же наконец главная широкая улица? Вернуться бы сейчас домой, залезть под одеяло! Рано или поздно они его достанут, и все, конец! И пожить-то не успел! На бегу Датэ обмочился. Стекавшие по ногам теплые струйки вызывали сладкую нервную дрожь и в то же время еще выше поднимали градус страха. Смерть была рядом. Он в восхищении широко открыл глаза, ощутив приторный аромат смерти. И все бежал, бежал, бежал...

Нобутэру старался не думать о Такэси, потому что при каждом воспоминании о нем его охватывало чувство вины, которое при-

чиняло острую боль. Услышав, что Такэси с отличием окончил государственный университет и быстро поднимается по служебной лестнице в крупной компании, Нобутэру ощутил смесь боли и облегчения. При этом его не оставляло какое-то беспокойство. Хорошо, что у Такэси все так сложилось, но он вряд ли забыл о Нобутэру и Юдзо. Они существовали в разных мирах, и шансов, что их пути снова пересекутся, было очень мало. И уж совсем маловероятно, что Такэси взбредет в голову мстить бывшим приятелям. Но тревога Нобутэру не проходила. Она была вызвана не только тем, что он не знал, где люди могут встретиться в этом мире. Как бы это сказать? С ней было связано все его существование.

И вот, где-то в промежутке между тем самым днем, когда семидесятилетний Нобутэру чуть не подавился насмерть, и его пятьдесят седьмым днем рождения, Такэси очутился в каком-то темном, казалось, насквозь пропыленном баре. От его хромоты не осталось и следа. Такэси погиб в автомобильной катастрофе — все тело